

18+

александр дорофеев

Прошлый век

Воспоминания двоюродной бабушки Варвары Раевой

александр дорофеев
Прошлый век. Воспоминания
двоюродной бабушки
Варвары Раевой

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69710575
ISBN 9785006058132*

Аннотация

Воспоминания моей двоюродной бабушки Варвары Петровны Раевой – с первых лет прошлого века до окончания Второй мировой войны.

Содержание

Прошлый век	5
Семья – Луговатка	5
Епархиальное училище – Тамбов	27
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Прошлый век Воспоминания двоюродной бабушки Варвары Раевой

александр дорофеев

© александр дорофеев, 2023

ISBN 978-5-0060-5813-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Прошлый век

*Воспоминания Варвары Раевой,
моей двоюродной бабушки*

Семья – Луговатка

В нашей семье все мои братья и сестры – пять девочек и шесть мальчиков – жили в духе любви. И это чистая правда, коли по сию пору, после девяти десятилетий, проведенных в этом мире, сохранилось у меня такое ощущение.

Мама умная, справедливая и необычайно добрая. Да не знаю за ней ни одного порока. И папа неподкупно честный, образованный, с передовыми взглядами на существовавший тогда строй. Крестьяне его очень уважали. Хотя, мне казалось, он уже тяготился своим саном священника. Не знаю, глубоко ли веровал, но в церковь ходил до последних дней жизни.

Пожалуй, лишь однажды я всерьез обиделась на папу. Он убирал в амбаре, и пришел к нему по какому-то делу мужичок Мартын Моисеевич. Почему-то я очень веселилась в тот день и, допрыгав на одной ножке до амбара, позвала: «Папа, к тебе Мартышка пришел!» Папа вышел во двор, ухватил

меня за ухо и весьма больно потрепал: «Дрянная девчонка, разве можно обзывать старших?!» Меня сразила несправедливость. Ведь в словах моих не было злого умысла, только душевное веселье и радость. Папе достаточно было бы сказать – мол, так нельзя, непочтительно. И зачем он тогда ухватил мое ухо, да еще и поддернул? Не стоило ему этого делать, если мне до сих пор обидно. Или, скорее, чудно, что такое могло случиться...

В доме нашем существовали, конечно, всякие ограниче-

ния для детей, которые я далеко не всегда понимала. Не разрешалось, например, играть с крестьянскими ребятами и выходить за калитку сада без взрослых. Прогулки на озеро возможны были только с няней, но никто там не купался, за исключением водоплавающей птицы. Рядом начинались солончаки, куда крестьяне относили умерших собак и кошек. Село лежало среди обширных и привольных зеленых лугов, откуда и пошло его название – Луговатка. Ни леса, ни реки поблизости. Для купания предназначалась большая бочка на открытом месте в саду. Ее наполняли колодезной водой, которая за день нагревалась под солнцем. Почти ежедневно на каникулах мы плескались там.

Зато прямо у дома нашей бабушки Веры Козминичны, по окраине ее сада, где так чудесно играть в прятки, бегать за бабочками и стрекозами, протекала тихая речка – с тенистыми берегами, с зеленой ряской, со множеством лягушек и небольшим деревянным помостом, на котором крестьянки стирали белье. Конечно, все мы обожали ездить в гости к бабушке.

Но однажды летом произошло необыкновенное событие. Мы с родителями уже были в бабушкином доме, когда приехала мамина сестра Татьяна со своими детьми. Так и получилось, что собралась целая ватага ребятни. Наши два брата и три сестры да тетины – три девочки и один мальчик. Мы впервые тогда повстречались с двоюродными.

Через день все взрослые уехали куда-то навестить других

родственников, а дети остались на попечение бабушки. Задача для пожилой женщины совсем не простая – не допуская бедлама, поддерживать всех нас в порядке, чтобы были сыты, здоровы, веселы, не скучали и не дрались...

За обедом бабушка выдала каждому по расписной деревянной ложке. Преимущество их перед металлическими очевидно – куда красивее, не обожжешься, а все супы и каши обретают особо приятный вкус. Кроме того, самое замечательное, деревянные ложки можно грызть. Первой это обнаружила наша двоюродная очень шустрая сестренка Зина. Вначале нечаянно откусила краешек вместе с кашей. Затем, удивившись, нарочно отгрызла еще кусочек. За ней последовали и младшие ее сестры Наташа с Таисией. Это было, конечно, увлекательно, однако ложки явно потеряли в красоте.

На другой день обнаружилась странная штука. У двоюродных ложки целые, а наши с изъяном. Переглянулись мы, но смолчали, не желая огорчать бабушку. Зато к ужину пришли пораньше и захватили те, что без погрыза. Тогда Зина с сестрами к следующему обеду явились еще раньше и обкусили все подряд ложки, чтобы уж никого не обижать.

Бабушка, конечно, уставала от нашей шумной братии. Но ни разу никого не упрекнула. Кое-как помогал ей старенький дядя Филя, безродный мужичок, служивший работником в доме еще при жизни дедушки. Мы его знали, поскольку частенько приезжал к нам за продуктами для бабушки или за кормом для лошадей. Оставался с ночевкой и рас-

сказывал страшные сказки. Очень любили мы смотреть, как дядя Филя пил чай. Наливал в блюдечко, которое затем размещал на раскрытой ладони, и дул на него, приговаривая – «А-ля-фу-у-у»... Это чудесное «а-ля-фу-у-у» нам безумно нравилось. Мы старательно подражали. Казалось, чай без «а-ля-ф-у-у» не так уже хорош.

Дядя Филя выводил нас гулять в сад и на речку, куда одним не разрешалось, поскольку никто из нас не умел плавать. Однако Зина все же умудрялась исчезнуть с глаз. Обычно находили ее на речке, где, сидя на мостках, она усердно что-то стирала, полоскала, отбивала деревянной колотушкой, как это делали крестьянки.

В общем бабушке нашей хватало хлопот и волнений. После обеда, проводив нас с Филей из дому, она за чашкой чая

отдыхала в одиночестве. Но однажды вдруг исчезла! То есть нигде ее нет, пропала бабушка. Все мы перепугались, а младшие заревели. «Ну, может быть, она устала от нас и заперлась в погребе?» – предположила Зина. Мы гурьбой кинулись к погребу, стали звать бабушку и слышали слабый голос: «Ох, голубы, поднимите крышку, пустите на волю! Прозябла уже, озорница Зина затворила!»

Ну, после такого мы пригрозили Зине трепкой, если надумает еще обидеть бабушку.

С каждым днем все больше скучали мы по родителям, и начались меж нами мелкие раздоры, ссоры. Тогда бабушка изыскала верное средство всех утихомирить, открыв сундук со старинными костюмами, детскими и взрослыми. Каких только чудес там не было! Маленькие сапожки с голенищами гармошкой, нарядные цветные кофты с пышными рукавами, с кружевами на воротниках и на груди, шляпы со страусовыми перьями... Примерив наряды, мы выходили на улицу. Старший брат Митя брал гармонь, все пели и танцевали. Народ останавливался поглазеть. Так и проводили мы последние вечера в гостях у любимой бабушки.

Свой век Вера Козминична доживала в доме младшей дочки Лизы, верстах в трех от Усмани. Внуки и внучки непременно заезжали по дороге проведать. Ей хотелось поговорить с нами, расспросить и поделиться чем-то своим. Но, признаюсь, у меня не хватало терпения долго выслушивать медленные, обстоятельные речи. Только сестра Кла-

ва могла внимать часами. «Вот ты, голуба, и поговоришь со мною, как следует, – вздыхала бабушка, – А Варюша чуть посидит и убегает, все убегает».

Теперь и я могу сказать то же о своей юной родне – убегают, все убегают...

Жизнь моя от начала до конца прошла вблизи трех сестер – Леночки, Клавошки и Нины.

Хотя раннее детство Лены представляю смутно. Она росла какой-то одиночкой. Может, потому что одни дети были старше ее лет на пять-семь, а другие примерно настолько же младше. Девочка тихая, без капризов, тянулась к старшим, которых возглавлял брат Дмитрий. Да те не очень-то принимали сестренку в свои игры и затеи, обходя вниманием. Это, конечно, обижало Лену, но она все таила в себе. И это всех устраивало – никакого беспокойства ни нам, детям, поскольку не слышим замечаний от родителей, ни им, в отсутствии жалоб...

Наверное, больше других Лена была привязана ко мне. Она так плакала, провожая меня на учебу в Тамбов. А когда сама поступила в женскую гимназию Усмани, писала теплые письма. Одно из них сохранилось – «Здравствуй, милая Варюша. Сегодня воскресенье, в школу мы не пошли. Проверяли, готовы ли к спектаклю. Моя роль была главная. Играла королеву с короной на голове. Говорить приходилось мало, но зато пела романс – «Белой акации гроздь душистые вновь ароматом полны». Аккомпанировала на рояли Таня.

Девочки сказали, что все у меня получается хорошо. Я села писать тебе письмо, рассказать о спектакле, но тут нас позвали обедать. Я очень быстро поела и сказала: «Спасибо, Ольга Федоровна, больше не хочу. Пойду писать письмо милой Варюше. В пятницу приезжала мама. Она купила мне шоколадку, орехов, а из дома привезла вкусные пирожки. Когда прощались, вместе поплакали. Скучаю по дому, а каникулы еще не скоро. Хоть я каждый прожитый день зачеркиваю, а их остается много. Пиши мне больше, тогда я меньше скучаю. Целую крепко. Твоя Лена Раева».

Мама часто навещала ее. В младших классах гимназии эти встречи и прощания не обходились без слез. Росла Лена настоящей красавицей – прямой нос, открытый лоб, крутые брови вразлет и большие черные, очень выразительные глаза, в которых живо отражались все возможные чувства: восторг, тоска, радость, печаль, любовь и даже жгучая ненависть. Могла так страстно и кокетливо глянуть вдруг на какого-нибудь парня, что тот обмирал, теряя дыхание. Власть над мальчишками она, конечно, сознавала, и поклонников у нее было множество. К тому же в ней сочеталось остроумие со скромностью и порядочностью, что очаровывало окружающих. Огорчали Лену ее румяные щеки. Она старалась меньше есть, а иногда по секрету от мамы выпивала уксус, но румянец никак не сходил.

Настроение ее резко менялось — от чрезмерной веселости до неизбывной грусти. Уходила одна в сад и долго там сидела, неизвестно о чем размышляя. «Да погляди, как хорошо

кругом, – говорила я, – Солнце, небо ясное, деревья в цвету, все домашние здоровы, а ты чего-то печалишься»... Вероятно, в юности всего этого ей было мало, но уже гораздо позже она с любовью и нежностью вспоминала нашу Луговатку.

Летние каникулы дети проводили дома. По строго установленному порядку в определенные часы все вместе обедали. Бывало Лена в это время брала книгу и удалялась во «дворец» – так называли мы небольшие саманные комнаты в саду, построенные специально для детских забав. Но папа никогда ее не ругал. Напротив, отрезал хлеб, наливал в тарелку крошку и нес ей. Вообще относился к Лене как-то особенно бережно.

Однажды около полуночи, когда уже огни в доме погашены, раздался внушительный стук в дверь. Оказалось, явился некий Шура, ученик реального училища, поклонник моей сестры, к которому та особых чувств не питала. И вот, дабы выяснить отношения, протопал он тридцать верст от города. Поступок сам по себе серьезный, так что мама сразу передала этого Шуру по назначению, то есть Лене, наказав покормить и напоить чаем. Проговорив остаток ночи, они, похоже, равным счетом ничего не выяснили. Во всяком случае, за завтраком лицо кавалера со всей очевидностью говорило – беседа не принесла успокоения. Тогда папа обратился к нему с такими словами: «Знаете ли, молодой человек, у нас в Луговатке теперь новый каменный храм и фаянсовый иконостас из Москвы с чудесным образом Богородицы. У вас

в Усмани ничего подобного не увидите. Чем слушать болтовню этой дурочки, – кивнул в сторону Лены, – Пойдемте, осмотрим в подробностях!» «Пожалуй, верно, – вяло согласился Шура, – Спасибо, Петр Андреевич!» И они отправились к церкви. А Лена, наконец, свободно вздохнула.

Надо сказать, всякое дело у нее спорилось – и учеба, и работа. Мне казалось, что в будущем Лена найдет свое место в мире искусства. Как, например, наш брат Дмитрий, артистичный во всех проявлениях. У них было много общего. Митя окончил медицинский факультет харьковского Университета. Как отличного хирурга его оставляли на кафедре. Но он решил иначе. Профессор по вокалу харьковской консерватории обратил внимание на голос Мити, услышав в хоре певчих университетской церкви, и предложил бесплатные уроки. Затем приглашал участвовать в концертах, постепенно создал ему имя и помог стать оперным певцом.

Лена тоже очень любила, чувствовала музыку и прекрасно танцевала. В паре с Митей выглядела обворожительно – оба красивые, стройные, пылкие. Обладала она и даром перевоплощения. К сожалению, не слишком противилась течению жизни, которое, в силу разных судьбоносных обстоятельств, вынесло ее не к тому берегу. Впрочем, мне ли судить о всяких там берегах – запросто могу ошибиться...

Сестра Клава старше меня на полтора года. Так получилось, что мы с ней долго жили будто бы по одному плану – дом в Луговатке, училище в Тамбове, преподавание в сельских школах. И только после поступления в институты до-

роги наши на некоторое время разошлись.

В отношении с младшими братьями и сестрами Клавочка вела себя несколько бесцеремонно. Ей ничего не стоило вместо своей сломанной куклы взять без спросу мою и тоже как-то покалечить. Не прочь была подразнить, затеять ссору или даже драку. Но все походя, без злого умысла. Мы с нетерпением ждали, когда она приедет из Тамбова на первые свои зимние каникулы. Клава вошла в дом и начала без умолку смеяться: «Ой, какие же здесь низкие потолки, какие крохотные оконца и комнаты маленькие! Все такое маленькое!» Мы гуськом ходили следом, стараясь уловить в ней нечто новое, от городской школы. «И сестрички с братишками мелкие!» – все продолжался ее смех, в котором явно звенела радость от того, что она, наконец, среди родных, дома...

Музыка и пение – любимые Клавочкины занятия во время каникул. Хотя петь при всех она почему-то стеснялась. Выбирала время, когда в доме никого. А мы норовили где-нибудь притаиться и слушали, затаив дыхание. У нее был небольшой, но очень красивый голос, контральто. Клава мечтала о музыкальном образовании. Возможно, живи мы в городе, поступила бы в музыкальную школу, но в нашей глуши оставалось забыть об этом.

Хозяйственных поручений по дому Клавочка очень не любила. Только безотказно сбивала тесто на пироги и пышки. Но особое пристрастие она имела к шляпкам. Когда на летние каникулы мы с мамой ехали за покупками в Воронеж,

Клавочка заходила во все шляпные магазины. Примеряла чуть ли не каждую широкополую и, посмотревшись в зеркало, говорила – «Нет!» То же повторялось и в других магазинах. Затем начинался повторный обход. Мама уже с ног валилась от усталости. Наконец, покупалась-таки шляпка с огромнейшими полями, но по дороге домой мы непременно заезжали к тете Лизе провести бабушку. Вот там-то, как правило, и оставалась новая шляпа, редко-редко попадала в Луговатку.

Подрастали дети, и вырастала наша семья. На втором курсе медицинского женился старший брат Мирка, а вскоре и другой брат Митя. Летом, во время каникул, в доме собиралось множество молодых людей. За обеденный стол усаживалось не менее двадцати человек – от мала до велика. Было весело и шумно, как на свадьбе.

Окончив университет и устроившись на работу, Мирка обещал Клаве высылать ежемесячно 35 рублей, чтобы смогла продолжить обучение. И Клава вскоре отправилась в Харьков, где поступила на зубоврачебные курсы. Но прежде, чтобы иметь дополнительные гроши, взяла в аренду несколько десятин земли исполу, то есть пополам, с одним мужичком нашего села, и засеяла подсолнечником. Кое-что вроде бы заработала.

Курсы Клава окончила накануне революции в 1917 году и приехала в Воронеж, где ее приняли на работу в железнодорожную поликлинику. Очень быстро о ней заговорили,

как о лучшем враче. Пациенты любили ее и стремились попасть на прием. Ко всем она относилась внимательно и вылечивала такие зубы, за которые другие не брались, предлагая удалить. Через какое-то время открыла частный прием у себя на дому. Сначала без специального кресла, без мраморного умывальника, без всяких удобств. Но больных не смущала убогая обстановка, они записывались за много дней в очередь, ожидая порой во дворе или на лестничной клетке. Может быть, Клабочке и не доставляло удовольствияковыряться в зубах, однако она точно наслаждалась, утоляя чужую боль. И спустя много лет, как ушла она из этого мира, останавливают меня на улицах бывшие пациенты, чтобы сказать добрые слова о моей сестре. Возможно, все это звучит несколько выпендренно, но других слов, простите, не подобрала...

В тяжелые времена гражданской войны Клава заболела тифом. Лежала без сознания, в бреду. Довольно быстро мне удалось приехать из Луговатки. А в Воронеже уже слышалась близкая стрельба, подходили войска Мамонтова. Все жильцы большого двухэтажного дома, где квартировала Клава, спустились в подвал. К ночи пальба усилилась. Помимо пулеметной и ружейной трескотни металась по комнате крысы, топоча, будто табуны лошадей. Забралась я с ногами на диван и всю ночь читала политэкономия Туган-Барановского. К утру перестрелка стихла. Неизвестно было, кто теперь в городе. Вскоре выяснилось, что войска Мамонтова

прошли, не останавливаясь, на соединение с другими частями белых.

Надо было чем-то кормить Клаву в промежутке между приступами. Магазины, конечно, пусты. Да и не уверена, имелись ли тогда продуктовые магазины. Базары тоже пустовали. За крынкой молока пришлось идти семь верст до села Монастырщина. И вдруг в самом городе на большой площади увидела настоящее картофельное поле. Правда, маячил и боец с ружьем, но на приличном расстоянии. Так обрадовалась картошке, что ринулась проворно выкапывать. Наконец, заметил, кажется, меня охранник и принялся палить, вроде бы по мне. Впрочем, свиста пуль не слыхала. Ухватила, сколько могла картошки, и наутек.

Ночью у сестры начался кризис, температура резко падала, и приходилось без конца менять простыни, сушить их и варить картошку, поскольку по указанию врача требовалась немедленная кормежка для восстановления сил. И среди всей этой сумятицы мы без удержу хохотали, так бесподобно Клава острила по всякому случаю, начиная со своей болезни. Кто знает, возможно, благодаря этим остротам, пережила она тяжелый тиф и начала поправляться.

Да тут опять надвинулась дребедень – подходили войска атамана Шкуро. Клаву надо было вывозить из города в Луговатку, иначе нам грозил голод. Кое-как на рабочем поезде добрались до станции Графской. Оставив Клаву на вокзале, отправилась в ближайшее село за подводой. К удивлению,

сговорила с одним мужиком и забрала сестру. Уже в полной темноте подъехали к деревне Орлово, и возчик высадил нас на окраине, потому как виднелся впереди костер, а рядом с ним какие-то солдаты. Но мы так продрогли, что, несмотря на опасения, подошли к костру. Оказалось, это красноармейцы. Нас не тронули и рано утром быстро собрались в дорогу, захватив все имевшиеся подводы. Пришлось идти в соседнее село. Обойдя одну за другой избы, все же отыскала пару лошадей, расплатившись деньгами, блузками, платьями и даже веревкой, которой был увязан наш багаж. В общем, без особых приключений прибыли в Луговатку.

Через наше село тогда то и дело проходили чьи-то войска – отступали, наступали, красные, белые, зеленые и совсем бесцветные. К нам в дом заезжали, как правило, их командиры. В таком случае накрывали на балконе или в большой комнате стол и подавали, когда обед, а когда просто чай с закусками. Помню, однажды во время такого застолья в дверях возникла сестра моя Шурочка. И трое военных, офицеры, вероятно, мигом вскочили, вытянувшись, как на параде. Конечно, Шурочка могла принимать парады – высокая, статная, жгучая брюнетка, ошеломляла своей яркой красотой. Вот почему-то мое появление никогда, увы, не производило схожего эффекта. Да и ладно – поздно теперь горевать...

А младшим в нашей семье был брат Боря. Пожалуй, не знаю более доброго мальчика. Он всегда заботился обо

всех братьях и сестрах, но особенно трогательно – о маме. Если вдруг среди дня она ложилась в постель, что бывало крайне редко, Боря тут же начинал тревожиться: «Что случилось? Где-нибудь болит? Ах, опять тебя сглазили, видя, как хлопчешь в саду, на огороде. Не волнуйся, сейчас полечу». Он вынимал из печки тлеющий уголек, раздувал его до легкого дымка и укладывал на блюде, затем наливал воду в чашку. Прочитав короткую молитву, вроде Богородицы, набирал в рот воды и как-то ловко через уголек опрыскивал маму. Уже минут через пятнадцать она, как ни в чем не бывало, суежилась по хозяйству.

Боря хотел во всем ей помочь. Даже корову доил. А чтобы деревенские не смеялись, старательно маскировался, надевая мамину фуфайку и покрываясь белым платочком. В засушливые голодные годы он строго следил, чтобы мама не обделяла себя едой в пользу детей. Сам же делился с другими своим ломтем хлеба. Рано у него проявилось влечение к технике. Правда, по тем временам самым сложным механизмом в селе являлась швейная машинка, но Боря много раз успешно починял ее, как и различный сельхозинвентарь. Пяти лет он прекрасно знал грамоту и пошел в начальную школу, чтобы не скучать одному дома.

В первые годы революции уже учеником старших классов, приезжая на каникулы, собирал крестьян, читал им газеты, растолковывал постановления новой власти и рассказывал, как строить жизнь дальше. После его бесед крестьяне поче-

му-то прониклись духом столыпинских реформ и даже написали ходатайство с просьбой предоставить им земельные «отрубы». Хорошо, что я вовремя перехватила эту бумагу...

После средней школы Боря собирался в институт, однако дорога туда была закрыта из-за социального происхождения. Приехав ко мне в Воронеж, устроился электротехником, но вскоре по комсомольскому призыву отправился на Донбасс, где его приняли на металлургический завод, а через некоторое время дали отличную характеристику для поступления в институт. Впрочем, по известным уже причинам даже не допустили к экзаменам.

Пришло известие, что наша мама заболела туберкулезом, и Боря сразу переехал в Тамбов, дабы ухаживать за ней. Там устроился на работу и быстро женился на девушке Тамаре, очень порадовав маму, которая полагала, что ранний брак охранит от распутства. Последние месяцы ее жизни Боря неотлучно находился рядом.

Он неплохо тогда зарабатывал. Помимо основной службы имел множество посторонних заказов – починял примусы и керогазы, велосипеды и мотоциклы. После правительственного постановления о допуске в высшие учебные заведения молодежи не пролетарского происхождения Боря, наконец, поступил в педагогический институт на физико-математический факультет. У него к тому времени уже родились два сына – Казик и Алики.

Да вдруг – война. Борю мобилизовали в чине капитана.

В сорок третьем мы получили письмо с извещением о его гибели. Верить в это не хотелось, навели справки и получали ответы, что в списках погибших такой не значится.

Раз вижу сон, как из аэроплана спускается к нам, улыбаясь, невредимый Бориска, держа в руках какой-то чудной механизм. Через несколько дней пришло письмо из Киева от жены его Тамары, которая сообщала, что все хорошо, она с детьми, а Боря уже под Берлином. И после войны до конца своих дней оставался в армии, уже полковником. Он умер ясным летним утром в московском институте Бакулева во время операции на сердце. А я, простите, всех пережила, и это даже страшно...

Думаю, все в моей семье имели, конечно, весьма разные характеры, дарования, взгляды на мир. Но точно могу сказать, не было среди них таких, кого смогла бы назвать плохим человеком.

Епархиальное училище – Тамбов

Ну, совсем не была я к ней подготовлена, к этой школе. Сама не знаю, почему. И экзамены вроде не сложные. Да как-то все не так пошло. Например, на диктанте в предложении «врач помог бедной старушке» допустила сразу четыре ошибки по грамматике того времени, совсем забыв о буквах «ять» и «еры». То есть написала все по-современному. Хорошо, что сердобольная учительница русского языка исправила. Однако по общим результатам меня все равно не приняли.

Возвратясь домой, ежедневно горько плакала. Главным образом от уязвленного самолюбия. Вот брата Шуру, который младше на полтора года, приняли. А я совсем провалилась.

К счастью, в этом плачевном состоянии пребывала не так уж и долго. По ходатайству родителей для таких же провалившихся на экзаменах детей открыли вдруг дополнительный класс, и я получила извещение, что принята в Епархиальное закрытого типа женское училище города Тамбова.

Мама отвезла меня и сестру Клаву, уже второклассницу, в Тамбов. Провела с нами день в доме нашего дяди Коли, проводила в училище, которое находилось через дорогу, метрах в пятидесяти, и уехала в Луговатку. Поревев на прощание, занялись мы разбором оставленных мамой корзин.

В спальне стояли специальные комоды с ящичками для личных вещей учениц. Очень интересно было устраиваться. Но вскоре мы сообразили, что все самое нужное, включая корзину с деревенскими сладостями, позабыто у дяди Коли.

Набросила я платок и побежала было к дяде. Но тут же меня поймал швейцар и передал в кабинет суровой классной надзирательницы, где я отчаянно разревелась – от разлуки с мамой, от сознания утерянной свободы. Так начались дни беспросветной детской тоски. Кругом все чужое, непривычное, неприветливое – строгий режим закрытого интерната. Даже сестра Клава, поскольку училась во втором классе, оказалась в другой спальне. Проходили уроки, потом обед, затем двухчасовой перерыв с прогулкой и новые занятия – подготовка уроков к завтрашнему дню. Никаких тебе развлечений и детских игр.

К учению относилась я добросовестно, хотя без особого интереса. Спешила выучить заданное, чтобы осталось больше времени поплакать, погоревать о близких в Луговатке...

Неожиданно стала получать хорошие отметки на уроках. Все пятерки и редко четверки. Вот, подумала, наверное, имеются все же кое-какие способности. Теперь, видимо, и ко мне может измениться отношение. Даже настроение приподнялось.

Раньше-то казалось, что дома не считают меня слишком одаренной девочкой. Сестра Клава всегда обращала на себя внимание разными талантами – хорошо играла на фис-

гармонии и пела, читала стихи, вообще была весела и общительна. И это отмечали не только в семье, но даже знакомые родителей. Да и в училище Клава была девочкой заметной. Выступала с сольными номерами, пела в церковном хоре, прекрасно декламировала: «Эх, приятель, и ты, видно, горе видал, если плачешь от песен веселых»... Училась она хорошо, но часто не успевала сделать все в отведенное на то время. Приходилось видеть ее с учебником в руках шагающей по пустому, слабо освещенному коридору училища. В старших классах Клавочка выглядела худой и бледной, так что ей прописали каждый день выпивать бутылку молока. И вскоре она превратилась в интересную цветущую девушку.

За год ежедневной совместной жизни в училище – с утра до ночи и с ночи до утра – девчата узнавали друг друга, сближались. Возникали товарищеские отношения и целые группы, объединенные общими интересами. Но открылись и противные стороны воспитания в закрытом учебном заведении. Не знаю уж, каким образом наша классная надзирательница обработала четырех девочек, сделав из них настоящих доносчиц. Тогда мы всем классом объявили им бойкот, буквально отвернулись от них. И уже через несколько дней эти четверо поклялись – никогда больше не наушничать. Девочки-то были хорошие. Только по своей детской наивности не смогли отказать надзирательнице.

Вообще наш класс жил дружно. Был единомышлен в самых

разных случаях. По успеваемости шли впереди, а сильные ученики неизменно помогали слабым. Как-то в четвертом классе перед экзаменами мне поручили заняться с одной девочкой, имевшей три годовых двойки – по русскому языку, словесности и математике-арифметике. К экзаменам у нас допускались все, даже с двойками за год по основным предметам.

Занимались мы с ней много и напряженно. Благополучно прошли экзамены по русскому и словесности. Оставалась арифметика, когда выяснилось, что бедняжка не знает даже таблицы умножения. Ну, за три оставшихся дня выучить ее очень сложно. Так что оставили мы таблицу в покое и просто штудировали программу. На экзамене моя подопечная хорошо ответила по билету. Но учительница заявила, что поверить в это не может – мол, какой-то тут подвох от самой слабой ученицы, следует предложить ей другой билет. И снова ответ был исчерпывающим! Девочку стали «гонять» по всей программе, а она на все отвечала и в итоге получила переводную оценку.

И тогда все сорок человек в классе обернулись ко мне с улыбками признательности. Я выбежала в сад. Такого состояния не испытывала еще ни разу в жизни. Все во мне пело, ликовало, радовалось, трепетало. Полное счастье и ощущение огромной силы! Вот что было в четвертом классе...

А раньше... В нашем доме не водилось книг для детского чтения. Поэтому, начиная с первого класса, каждая про-

читанная книга была для меня откровением. Добро и зло, человеческие взаимоотношения – все было ново, впечатляло и часто потрясало. Не помню заглавия и автора первой моей книги. В ней рассказывалось о горькой доле мальчика-сироты. Передо мной разверзся мир порока, о котором даже не подозревала в родительском доме. Тем острее сучала по Луговатке, где так легко дышалось и не было намека на какой-то страх перед жизнью.

В начале второй четверти приехал папа и забрал нас на два дня на квартиру к братьям, – Мирке, Мите и Шуре, – которые тоже учились в Тамбове. И я постоянно плакала. От радости, что увидела папу, и от горя, что вот-вот уедет. Очень грустным был первый год в училище.

Второй год учебы, 1905-ый, ознаменовался крупными событиями. Начались забастовки рабочих. К ним присоединились ученики старших классов тамбовских средних школ, гимназисты, реалисты, семинаристы. Вести проникали и в наше закрытое училище. Старшеклассницы из солидарности сорвали занятия и подали петицию. Уж не знаю, какие требования в ней содержались...

Наше детское сочувствие выражалось в том, что мы свистом и шумом встречали и провожали нелюбимых старшими учителей. Вскоре начались репрессии. Высокую, стройную красавицу Мелиоранскую, бывшую очевидно вожаком этого брожения, первой отчислили из училища.

В то время дружила я с одной девочкой из города Козлова,

ныне Мичуринска. Наши с ней представления о забастовках были, конечно, весьма смутными. Черносотенная организация ставила якобы своей целью убийство царя. Мы, помнится, горько поплакали из жалости к императору, потому как он – наш доброжелатель и заступник. Так писалось в учебниках, так говорили все наши воспитатели.

Хорошо запомнились зимние каникулы в том году. Повсюду забастовки. Поезда не ходят. А от Тамбова до нашей Луговатки двести верст. Такое расстояние казалось непреодолимым, особенно зимой. Мы с Клавочкой уже горевали, думая, что придется сидеть в училище, но за нами приехал папа на двух санях, запряженных парами лошадей.

Выехали из города во второй половине дня – шесть человек-детей. Три брата, две сестры да еще двоюродный брат-гимназист. Меньших поверх шуб укутали овчинными тулупами, а поверх шапок – теплыми платками. Да еще укрыли валеными шерстяными полостями и увязали веревками. Зима была лютой.

Засветло проехали верст тридцать и остановились на ночь в просторной крестьянской избе. Поужинали таранками и чаем с бубликами, и на тулупах вповалку расположились на полу. Заснули быстро, радуясь, что скоро будем дома. Но прибыли только под вечер третьего дня.

Самое необычное и запомнившееся на этих каникулах – разговоры старших братьев с папой о революции. Папа полностью поддерживал их участие в забастовках и взгляды

на государственное устройство. Лишь просил быть поосторожней.

Так что после каникул я вернулась в училище совсем с другими настроениями, чем прежде. Как, впрочем, и моя подруга из Козлова.

И еще одно событие, не менее важное для меня, произошло в тот же год. Моей одноклассницей оказалась двоюродная сестра Лида Певницкая. Каждую субботу после занятий уходила она в отпуск к тете и возвращалась вечером воскресенья. И вдруг я подумала, что ведь ее тетя должна быть хотя бы отчасти и моей тетей. Поговорили об этом с Лидой. И в следующую субботу она пригласила меня идти вместе. Несмотря на неловкость и страх оказаться непрошеной гостьей я собралась к этой неизвестной мне тете. Уж очень хотелось вырваться из четырех стен.

Тетя Соня лежала на кровати в спальне с книгой в руках. Взглянула на меня и говорит: «О, да это, похоже, Петра дочка!» Расцеловала нас и поморщилась. «Ну-ка, марш в ванную мыться! Запарились от учения»...

У тети я ощутила себя совсем по-домашнему, и на другой раз мы взяли с собой сестру Клавочку. С тех пор на протяжении всех лет учебы, почти каждый конец недели, проводили в ее доме. И это было великолепно!

Через два дома от тетиного находился драматический театр. В субботу мы шли на вечерний спектакль, в воскресенье – на дневной. После тихонько проходили в отведенную

нам комнату, где была приготовлена постель, а на столе холодный ужин. Если же приезжали артисты из Москвы или Петербурга и воскресным вечером намечалось какое-то особенное представление, оставались у тети до понедельника. А утром ранехонько, чтобы не попасть на глаза кому-нибудь из начальства, приходили в училище.

Тетя Соня работала фельдшерницей-акушеркой в больнице. Часто ее звали принимать роды на дому, что приносило дополнительный заработок. Тогда мы были слишком малы, чтобы по достоинству оценить эту необыкновенную женщину. За те пять лет, что бывали в ее доме, не помню ни одного случая, ни мгновения, которые бы показались неприятными или обидными. Всегда радушна и приветлива. Расспросит, как дела, что пишут родные, и уходит на дежурство в больницу. А мы, как правило, – в театр.

У тети было трое детей. Старшие, сын и дочь, уже жили отдельно, а младшая Наташа училась в последнем классе гимназии. Тетин муж еще в студенческие годы за участие в революционном движении оказался в тюрьме, где заболел туберкулезом и вскоре умер. Тетя Соня тогда осталась без средств к существованию, без специальности, без работы. Но умудрилась окончить двухгодичные курсы фельдшериц и дала старшим детям высшее образование. Видимо, жизнь ее была полна всякого рода лишений и огорчений. Однако ни разу мы не слышали от нее жалоб. Очень к ней привязались. Делились радостями и невзгодами, обсуждали планы

на будущее. В общем, общение с ней повлияло на всех нас очень благотворно.

Как-то сидела я в нашем саду под яблоней – готовилась к очередному экзамену. Вдруг чувствую, что-то копошится на шее под пелериной. Оказалась обыкновенная гусеница-плодожорка. Но только стоило разглядеть ее, как вся до пояса покрылась я ужасной сыпью. Побежала в больницу, а там надо мной вздумали посмеяться. И дело дошло до истерики. Хотя без особенных причин, просто разнервничалась. Уложили меня в ванну, дали успокоительное. Но я реву без остановки, сама не пойму, зачем, почему... Трудно сказать, как тетя Соня узнала о моем плачевном состоянии, но навещала каждый день. Посидит минут пятнадцать, поговорим о чем-либо постороннем и она, заметив, что мне лучше, откланивается. А идти ей от училища до дома не менее часа. Да еще работа в больнице. Ах, какая же славная моя тетя Соня, папина двоюродная сестра...

В последних классах училища со мной время от времени случались такие совершенно необъяснимые истерические припадки. Однажды вдруг поняла, что у меня страшно распухли щеки. Пощупала, поглядела в зеркало – вроде никакой опухоли. Но чувствую, пухнут ужасающе. Побежала к школьному врачу. «Что ты, милая, – говорит, – Полный порядок!» Но это успокоило ненадолго. Уже через пару дней опять пришла. А в кабинете оказались и другие девочки. «Вот поглядите, – обратилась к ним врач, – Жалоба на опу-

холь щек. Замечаете хоть небольшую?» Все только засмеялись, а я бурно разрыдалась. «Ну, хорошо, – успокоила она, – Полечим, и все пройдет». Однако на экзамене по закону Божьему щеки так сильно растягивало в стороны, что я еле сдерживала их обеими руками. И это продолжалось до самых каникул. К счастью, есть на белом свете Луговатка, папа с мамой, сестры и братья. Как-то сразу позабыла я о щеках, и они благодарно перестали пухнуть.

Крепко запомнила я заветы папы и следовала им всю жизнь. Перед нашим отъездом в школу он так говорил: «Держитесь подальше от начальства, которое всегда заставляет шпионить и доносить на товарищей. Этого делать ни в коем случае нельзя. Начальство любит лезть, что недостойно порядочного человека. Но чтобы держаться от начальства на расстоянии, быть независимыми, нужно вести себя надлежащим образом, то есть выполнять существующие правила внутреннего распорядка».

Довольно скоро имела я случай убедиться, насколько прав был папа.

Первые три года в Епархиальном училище нашей классной надзирательницей, или дамой, была пожилая, крайне суровая женщина. Не любили мы ее. Я ни разу ни с чем к ней не обращалась. Правила распорядка выполняла исправно – не завивать кудри, волосы завязывать черной лентой с бантом на затылке, в церкви, подходя к Евангелию или к Кресту для целования, руки вложить одна в другую и держать

на высоте локтя, в классе сидеть смирно, не болтать, не шалить. И прочие мелочи, не упомяну, какие. Вроде придраться ко мне было трудно. Однако надзирательница не раз говорила родителям симпатизировавшим мне девочек: «Запретите дочке дружить с Раевой! Это до добра не доведет».

Обыкновенно в часы уроков она сидела за кафедрой. Но иногда занимала парту прямо передо мной и не сводила глаз, так что жутковато становилось. К тому же давала самые неприятные поручения. Например, бороться со вшами, если таковые у кого-то появлялись. Иной раз это оказывалось невыполнимой задачей. Одна наша подружка жила по завету – «Всякое дыхание да хвалит Господа». Убить вошь считала большим грехом и аккуратно укладывала каждую в Евангелие. Столько копошилось их меж листочков – оторопь брала! Хотя я считала, что обязана помочь в беде, но без врачей нашей школьной больницы никак бы не управилась.

Свободное от уроков время большинство девчат проводило за чтением книг. Только после ужина за час до сна собирались группами и вели всякие беседы, предоставленными самим себе, без бдительных глаз надзирательницы. Наверное, мое независимое поведение не давало ей покоя. Однажды она все же «изловила» меня. Весной всем ученицам шили летние платья. И как-то в часы вечернего чая нас повели к портнихе на примерку. Ожидая своей очереди, почему-то разговорились мы о зарплатах наших наставниц – кому, сколько и по заслугам ли? Тут и высказалась я

в том смысле, что надзирательнице нашей, которая только ходит по училищу да бадиком-посохом стучит, ничего не делая, платят излишне. И нашелся все же шпион, доложивший об этих словах. Началась разборка на всех парусах! «А ну, Раева, покажи, как я бадиком постукиваю! И кто тебе сказал, что ничего не делаю?! Может, это тебе нечего здесь делать?!» Так пошло-поехало, и довела меня классная до слез и до извинений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.